

Блокбастер «Маскарад»

Режиссер Владимир Агеев решил сделать Лермонтову подарок

Керамическая - 2004 - 120х15 - с.б.

Григорий Заславский

Вчера в театре «Сатирикон» сыграли премьеру «Маскарада». Романтическую мелодраму Лермонтова поставил Владимир Агеев, а одну из главных ролей играют Денис Суханов и Максим Аверин. Оба – сразу в двух ролях – Арбенина и Казарина: в одном Суханов играет Арбенина, а Казарина – Максим Аверин, в другом все будет наоборот.

Владимир, спектакль вообще будет играть без дублеров и нет никого, кто бы мог заменить кого-то?

– Есть. Например, роль Неизвестного играют в паре Володя Большов и Гриша Сиятвинда. Они как раз могут периодически отдыхать. Баронессу Штраль играют тоже две актрисы – Алина Варганова и Наташа Вдовина. У Нины дублеров тоже нет. Если у нас играет молодая актриса, выпускница Константина Аркадьевича Глаша Тарханова.

– У вас – слава режиссера, который умеет ставить разное: «Любовь к английской мяте» Маргерит Дюрас, «Учитель ритмики» Екатерины Садур, «Пленные духи» братьев Пресняковых...

– У меня еще были такие вещи, которые не дошли до Москвы. К примеру, две символические пьесы Ибсена – «Женщина с моря» и «Когда мы, мертвые, пробуждаемся». Они поставлены в Пензе и новосибирском «Красном факеле».

– Я думаю, Константин Аркадьевич вряд ли видел эти два спектакля. А какие видел? И по каким из них он решил вас пригласить?

– Я считаю, что Константин Аркадьевич видел правильные для постановки – «Пленные духи», камерный спектакль, он видел в театре и на кассете – два спектакля большой формы, «Женщину с моря» и «Торжество любви».

– А как вы с ним договаривались?

– Константин Аркадьевич разговаривал со мной на равных. В этом театре уважают, что я мыслящий, думающий режиссер, которому интересно экспериментировать, но я должен был учесть ситуацию. Но я сам, в общем, трезвомыслящий человек и понимаю, что когда я прихожу в театр, я должен в первую очередь чувствовать публику, которая сюда ходит, и отнестись к ней с уважением, и при этом показать себя все-таки не ремесленником, а художником.

– Вы сказали про эксперимент. А в чем он будет заключаться в «Маскараде»?

– Эксперимент заключается в разборе текста, который составляет все по-другому. От этого меняется игра, меняется визуальное решение, музыка, игра актеров, даже движения. Лермонтов – глубочайший мистический художник, до сих пор не открытый, по-моему. Может быть, я беру на себя много, но я попытался открыть его и адресовать эту пьесу современному зрителю, даже кинозрителю. Я

Для Владимира Агеева «Маскарад» – это сплошная мистика. Сцена из спектакля.

Фото Михаила Гутермана

много беру от дыхания современной культуры кино, поэтому я всегда разбираю пьесы на уровне блокбастеров сродни «Властелину колец», «Пятому элементу», и разбор идет на таком уровне, что обязательно есть тема конца света, обязательно есть столкновение света и тьмы.

– Я в театральную мистику, честно говоря, не очень верю. Я думаю, что в том, что невозможно поставить «Мастер и Маргариту», театральные деятели сами себя убеждают. Вы об этом думали? И ставили ли какие-нибудь преграды на пути этой мистики, которая может разрушить эту премьеру, может помешать ей?

– Мне хотелось сделать подарок Михаилу Юрьевичу. Я сейчас буду говорить очень нагло, но мне кажется, что он до сих пор не видел правильной интерпретации.

– Даже мейерхольдовская неудачная?

– Дело в том, что я не видел этого спектакля, хотя предполагаю, что это было лучшее. Может быть, я скажу крамольную

вещь, но перед своей постановкой я вообще не занимался исследованиями материалов о других постановках, даже васильевской, которую я десять лет назад видел в дежурном исполнении, и уже, конечно, ничего не помню. Я просто знал, как она делается, и попытался свежими мозгами разобрать ее по-

теров и постановочной группы – разрушить, причем до основания. Это не романтическая мелодрама. Мы с Константином Аркадьевичем вели переговоры больше двух месяцев и искали такое название, которое бы вызвало у нас единодушие. Как-то совершенно случайно мне пришло в голову, что «Мас-

До сих пор не было правильной интерпретации «Маскарада»

другому. Я понял, что там есть заветная мечта Лермонтова примирения с Богом через эту пьесу. И никто его не примирил. Я попытался это сделать.

– «Маскарад» – это предложение Константина Райкина или давнее желание поставить такую вот старорежимную мелодраму?

– Во-первых, сразу же буду отрицать, что это старорежимная мелодрама. Это стереотип, который я и хотел с помощью моих помощников и друзей – ак-

карад» – это название, которое действительно совпадает и стилем этого театра, и с тем настроением, которое я могу передать. Это произошло, как вспышка. И когда я назвал на следующий день Константину Аркадьевичу этот спектакль, я увидел у него такую же вспышку в глазах.

– Это будет русская история? – Я отношусь к любой пьесе таким образом, чтобы она была вне времени, вне нации, чтобы это была история вселенская. ■